

усадыбы

15 января «СБ» опубликовала первую часть статьи «Сапеги и их собрания ценностей» известного исследователя истории и культуры Беларуси профессора Адама Мальдиса. В этом номере — ее окончание. Так какие же ценности согласно описаниям, пусть и неполным, находились в Ружанах и Деречине — последних резиденциях магнатов? Что из музейных, библиотечных и архивных сокровищ по приказу российского императора Николая I вывезено из Деречина в Петербург, а затем в соответствии с Рижским договором 1921 года передано в Варшаву? Где кроются разгадки тайн, связанных с сокровищами Сапегов?

Часть II

Как уже говорилось в первой части статьи, высокие «зарплаты» канцлеров и гетманов ВКЛ Сапегги получали не наличными, а в форме доходов от пожизненной аренды различных государственных старост. Такие владения были разбросаны по просторам бело-русско-литовских земель, что не содействовало образованию главной и единой усадьбы, какой стал, скажем, несвижский замок для Радзивиллов. К тому же Черевя, где сформировалась основная ветвь Сапегов, находилась вдали и от Вильно, и от Варшавы, и от надбугского Коденя, гнезда второй ветви рода. Поэтому Сапегги решили не жить на «казенном», а приобрести в удобном месте имение свое, кровное, наследуемое. И еще при жизни Льва Сапегги, как раз тогда, когда князь Радзивилл Сиротка серьезно занялся обустройством Несвижа, дальновидный выбор канцлера ВКЛ — но еще не князя — пал (может быть, даже и в пику «князьям на Несвиже») на Ружаны.

Ружаны — довольно крупное местечко Слонимского повета I Речи Посполитой (теперь Пружанский район Брестской области) — Сапега купил в 1598 году у Бартоша Брухнальского вместе с соседними фольварками за 30.000 коп (1 копа — 60 единиц исчисления) литовских грошей. Вскоре Ружаны вслед за Несвижем легко получили Магдебургское право, однако не совсем здесь востребованное (даже ратуша не была построена). И новые хозяева возвели на холме возле местечка (все еще местечка, а не города) двухэтажный дворец с тремя башнями.

Ружаны при канцлере-собирателе

Во второй половине XVIII века, при Александре Михале Сапеге (1730 — 1793), тоже канцлере ВКЛ, на волне общеевропейского Просвещения в ружанской усадьбе произошли

Сапеги и их собрания ценностей

Родовой герб Сапегов «Лис»

значительные изменения. Две башни дворца, немало пострадавшие в результате междоусобиц и военных столкновений, были окончательно ликвидированы, а треть включили в основной объем главного здания, превратившись из крестообразного на плане в симметричное. По сторонам перпендикулярно к главному корпусу расположились боковые здания, соединенные с ним аркадами. В западном, сегодня не существующем, разместилась картинная галерея, в восточном — манеж

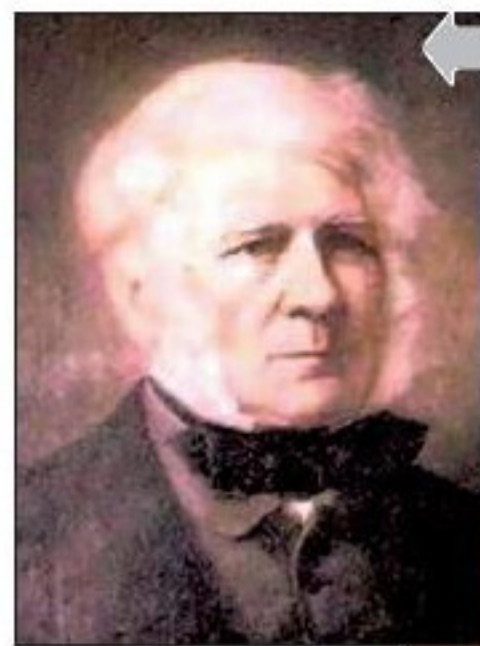
Александр Михал Сапега

и двухъярусный театр с 31 изолированной ложей и глубокой сценой с семью планами вместительных кулис, что позволяло быстро менять декорации. Вокруг построек разбили парки

и сады с обязательной оранжереей. А въезд в замкнутый овал двор украсило нечто похожее на триумфальную арку с примыкавшими к ней флигелями. Благодаря придворному архитектору Яну Самуилу Беккеру к прежним барочным чертам дворцовой архитектуры во время перестройки 1784 — 1786 годов прибавились новые, классицистические.

При Александре Михале Сапеге Ружаны стали настоящей магнатской усадьбой, средоточием великосветской жизни для всех окрестных земель. Сюда, по пути в Петербург и обратно, зачастили иностранные гости. Для них устраивались пышные балы, представления, салюты, фейерверки. По примеру радзивилловского Несвижа в 1765 году в Ружанах возник придворный театр, в котором оперные, балетные и драматические спектакли ставились приглашенными высокооплачиваемыми специалистами (среди которых — итальянский композитор и капельмейстер Киприани), они же в местной школе обучали основных исполнителей — детей крепостных крестьян. Вскоре «веселящий всех — от короля до мелкой шляхты» коллектив насчитывал 40 «музыкантов при бубнах и трубах» и 60 «артистов и танцовщиков». О том, как выглядели ружанский дворец и театр, а также здешнее собрание, мы можем судить по описанию визита сюда в 1784 году по дороге из Варшавы на заседание сейма в Гродно короля Речи Посполитой Станислава Августа Понятовского.

Но ружанская сокровищница не могла быть бездонной. Осознавая это, Александр Михал решил на старости лет заняться мануфактурами. Вскоре

Евстафий Каэтан Сапега

Франтишек Сапега

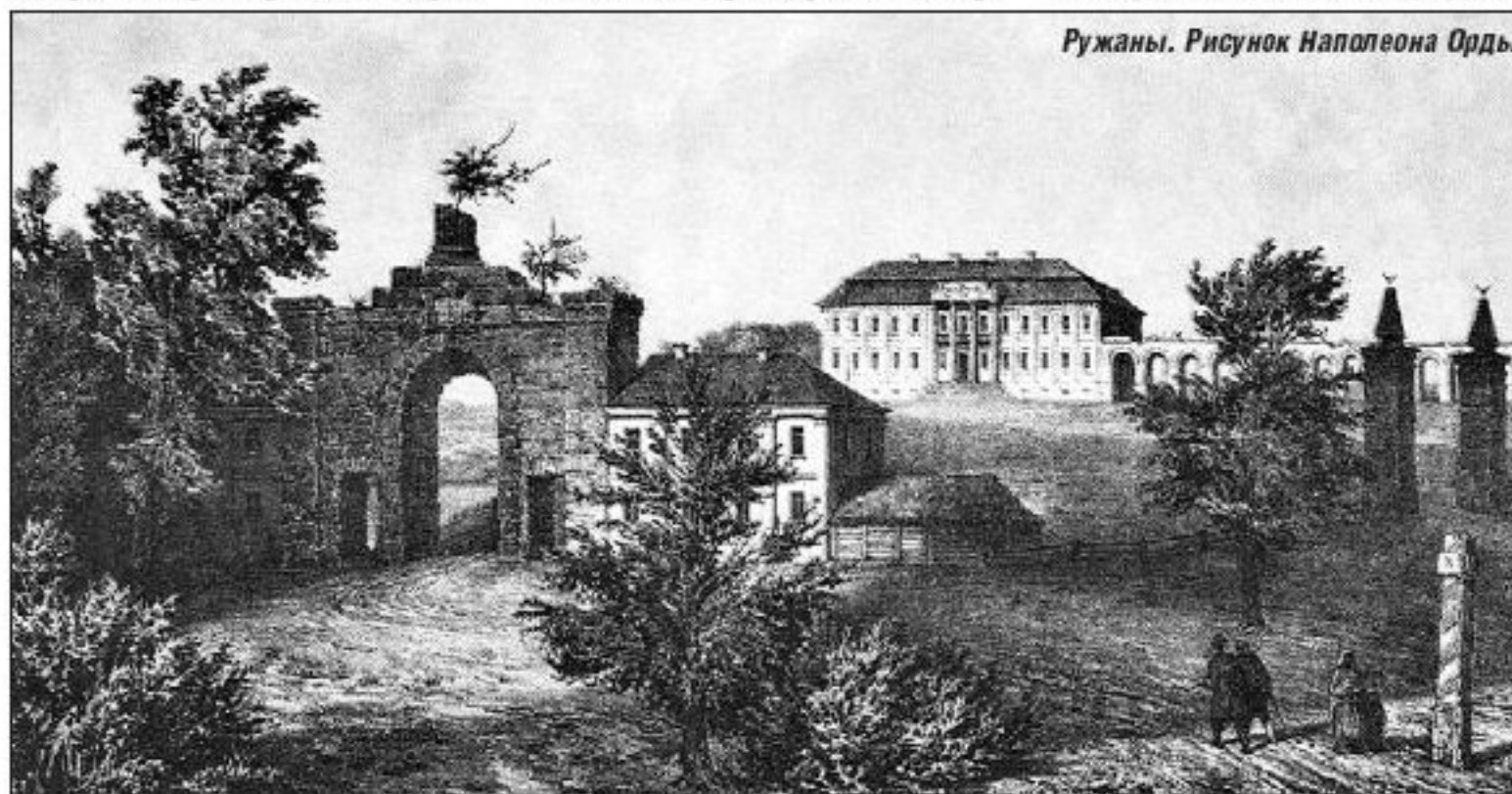
после королевского визита, с 1786 года, Александр Михал начинает создавать в Ружанах фабрики «однотонных, а также в цветы и узоры шелковых тканей, поясов, дамашковых обоев, бархатов, сушкон, скатертей на самые большие столы с разными узорами и гербами, сияющих свечей, карет и покрытых лаком повозок». Работала также бумажная фабрика. В Деречине, своем другом имении того же Слонимского повета (теперь территория Зельвенского района Гродненской области), канцлер построил продолговатое одноэтажное здание, предназначенное для офицерской школы, думая, очевидно, о военной карьере своего единственного сына и наследника Франтишка (1772 — 1829), уже в 20 лет получившего чин генерала артиллерии и орден святого Станислава.

Искатель приключений

Давая характеристику Франтишку Сапеге, в этой публика-

ции я хочу акцентировать внимание на двух следующих обстоятельствах. В семье, где росли три дочери и только один сын, последнего явно избаловали, и поэтому он, обладая незаурядными способностями и привлекательной внешностью, не захотел учиться, а искательницы богатых наследников умножили в его характере то, что выработалось от домашнего воспитания. Во втором томе фундаментального труда Романа Афтаназы «История резиденций на давнишних окраинах Речи Посполитой» я обратил внимание на следующее место: «После Александра Сапегги Ружаны унаследовал его сын Франтишек. Взяв в жены за несколько месяцев до смерти отца знаменитую по красоте и смекалности Пелагею Потockую, дочь Счастливого и матери из Мнишков, из-за неизвестных нам обстоятельств поселился он не в Ружанах, а в Деречине, где переделал на дворец здания, предназначенные первоначально отцом для военной академии. Со временем в Деречин также были перенесены и все накопленные в Ружанах коллекции. Тот факт, что молодой Сапега оставил только что отстроенный и великолепно украшенный замок, кажется тем более странным, что Деречин выглядел намного скромнее».

А я где-то понимаю молодого романтика: ему надоели просвещенческие условности и поучения в аристократических Ружанах и захотелось как можно скорее оправдать (и тем самым избавиться от намеков и насмешек) подаренный ему авансом в такие молодые годы чин генерала артиллерии. И он

Ружаны. Рисунок Наполеона Орды

Ружаны.
Начало восстановления
исторического памятника

действительно пытался оправдать его во время восстания под руководством Тадеуша Костюшко, объявившего своего земляка генералом войск ВКЛ. Правда, после поражения восстания молодому инсургенту не оставалось ничего другого, как написать покаянное письмо Екатерине II, а потом пригласить Павла I на четырехдневный великолепный прием в тот же Деречин, где в перерывах между питием редких вин император мог полюбоваться шедеврами европейского изобразительного искусства.

Что же оказалось в Деречине к концу XVIII столетия? Как видно из «Воспоминаний о Свислочи Тышкевичей, Деречине и Ружанах» аристократа Леона Потоцкого, «из Ружан Франтишек Сапега забрал бесценный семейный архив, часть библиотеки, а также наиболее ценные предметы из собрания художественных произведений и семейные памятные вещи, как, например, оружие, войсковое снаряжение, исторические палаты, маршальские булавы, хоругви, штандарты и бунчуки, захваченные у турков, шведов и татар, седла, предметы, украшенные дорогими камнями, шатры и куски парчи, привезенные из венского похода. Кроме того, из столовых сервизов переместили в Деречин двенадцать отлитых из серебра мифологических существ, предназначенных для декорирования столов, высотой больше локтя, старые чаши, бокалы, сосуды, кувшины, блюда, тарелки, подсвечники и другую посуду из серебра и золота». Много путешествуя по Европе и обладая тонким вкусом, Франтишек Сапега привозил с собой «немало картин самых знаменитых мастеров» и так создал «одну из самых известных тогда в стране галерей полотен, скульптур, старой мебели и т.д.».

И вот почти 30 лет спустя в бывшей Речи Посполитой разгорается новое антицарское восстание начала 1830 годов. Романтика Франтишка уже нет в живых. Но унаследовавший Деречин и Ружаны его единственный сын Евстафий Каетан (1797 — 1860) не мог оставаться в стороне от патриотического движения. Чтобы добыть денег на вооружение повстанцев под своим командованием, он стремился заложить ростовщику перешедшие ему по наследству Ружаны (в предыдущей части сказано неверно: Пружаны, в связи с чем автор просит у читателей про-

щения за опisku). Но этому замыслу не дано было осуществиться: сформировать собственный отряд так и не

Евстафий Северин Сапега
в Деречине, 1997 г.

удалось. Правда, последний из Сапегов, хозяйствовавших на белорусской земле, лично все же участвовал в восстании — как поручик в штабе главнокомандующего генерала Я.Скшинецкого, за что был отмечен золотым крестом «Виртути Милитари». Но фактически нереализованные замыслы Евстафия Каетана тем не менее повлекли за собой конфискацию его огромного имущества — включая Деречин и Ружаны. И Евстафий Каетан, не ожидая прощения, направился во Францию, где и жил до смерти.

Из Деречина — в Петербург

Но Николай I действовал неуверенно. Конфискованные в Деречине бесценные богатства были отправлены не напрямую в Петербург, а сначала в не слишком отдаленный Белосток — во дворец Браницких (чтобы было ближе возвращать при изменившихся обстоятельствах?). И только спустя десятилетие конфискованное добро перенаправлено в Петербург и Царское Село. Всезнающий Роман Афтаназы утверждает, что туда перевезли: «22 скульптуры, из них 10 мифологических фигур — мраморный «Орфей» работы Кановы, большую мраморную фигуру «Весталка», дальше «Аполлон» и «Генимед», три статуэтки, определенные как «египетские» — все также из белого мрамора, «Геба», «Меркурий» и «Гладиатор» из бронзы и «Лара» из меди. Бюсты небольших размеров изображали Александра I и его жену, также были «Аполлон» из белого мрамора и «Адам и Ева» из мрамора серого. Количество конфискованных в Деречине картин выражалось, согласно с официальным протоколом, 287 пунктами. Во многих случаях это были предметы очень большой стоимости. В Петербург их пе-

ревозили в ноябре 1832 года в 25 ящиках. Кроме картин, в ящиках были мозаики, гравюры и библиотечные собрания с присоединенными каталогами».

Дальше — еще интереснее. Оказывается, Николай I приказал вскрыть «17 ящиков с картинами и сам произвел их селекцию». Наиболее ценные полотна отправили в Эрмитаж, Академию художеств и дирекцию императорского театра, другие же — в музейные запасы. Менее ценные экземпляры приказали распродать, а некоторые, будто бы патриотические по содержанию, было высочайше решено тут же уничтожить. Как следует из документов, точный реестр всех ценностей, перевезенных из Деречина через Белосток в столицу империи, так и не составили.

А из Петрограда — в Варшаву?

После заключения Рижского договора 1921 года, поскольку имена Ружаны и Деречин, точнее, уже их развалины, оставались на территории Западной Белоруссии, возник вопрос о возвращении сапеговских собраний во II Речь Посполитую. Но прибывшая в Российскую Федерацию специальная комиссия столкнулась с множеством трудностей: четких каталогов не существовало, вся документация оказалась будто нарочно запутанной. Тем не менее членам комиссии удалось в Петрограде визуально обнаружить несколько десятков полотен, принадлежавших ранее Сапегам. В перечне произведений, подлежащих возврату, в первую очередь назывались полотна «голландской, итальянской и французской школ». Представители советской власти «дали согласие вернуть из Эрмитажа два «Пейзажа» Мюшера, «Пейзаж» Ван дер Нира, «Букет» Дрекслера, «Бог Отец» Лафранко» и еще несколько картин. Среди деречинских произведений, обнаруженных в Академии искусств, передаче подлежали «Св. Иероним в пуще» Франческо Барбиери, «Поклон трех волхвов», «Свадьба в Канне Галлейской» и «Между пророком и фундатором» Паоло Веронезе, «Предательство», «Волшебник и волшебница» венецианской школы, «Апостол Петр» и «Давид» болонской школы, «Вечер» Людвиг Кабелла, «Шьющая голландка» Габриела Метсу, «Дама во время туалета» Каспара Нетчера, «Пустая кружка» Адриана ван Ос-

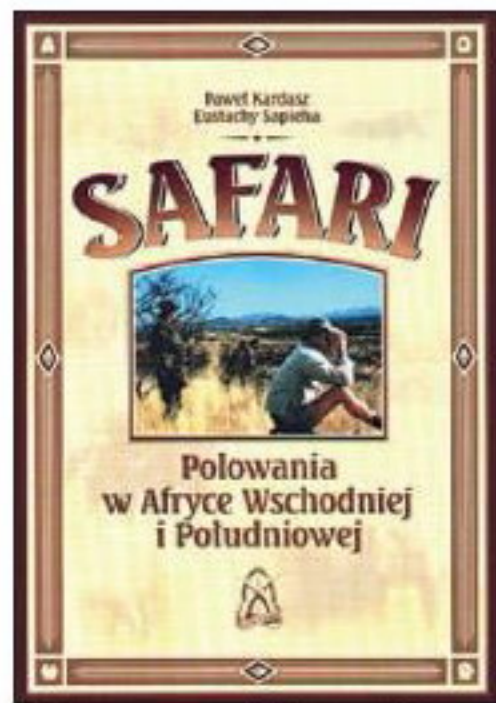
таде, «Ветряная мельница» Саломона ван Рейсдела, два «Пейзажа» и «Утро» Якоба ван Рейсдела и так далее. Вместо некоторых полотен советская сторона соглашалась выдать только эквиваленты.

Во время работы комиссии обнаружилось, что часть деречинских картин, преимущественно портретов, в том числе изображения самих Сапегов, была в свое время отправлена в запасы, а 23 полотна либо уничтожены, либо проданы по до смешного низким ценам: за княжну, танцующую с тамбурином, — пять рублей, за изображения представителей мужской части рода Сапегов — рубль, а то и 25 копеек.

Загадки, загадки...

И вот первая из них: что бы все это значило? Просто желание унижить гордого противника или отомстить ему за что-то личное? А может, цель была замести следы какой-то любовной авантюры? Изъять один портрет — сразу пойдут слухи, уничтожить десятки — недруги растеряются в догадках.

Вслед рождается вторая загадка: куда попало все то, что должно было вернуться к польской комиссии в Петрограде? Логично допустить мысль, что

Обложка книги Е.Северина Сапеги

деречинские ценности попали в руки прямых законных наследников. Но такой гуманный акт совершен не был. И вот уже 20 с лишним лет всей комиссией «Вартанне» при Белорусском фонде культуры мы упорно ищем следы тех ценностей, которые где-то в 1924 году должны были перевезти из Петрограда в Варшаву. И — ничего.

И, наконец, третья — по крайней мере, для меня — загадка. О чем думалось Евста-

фию Северину Сапеге, когда в сопровождении племянника Петра Сапегы он приехал в 1999 году из далекой Кении в Деречин на открытие в местном костеле памятной доски своему прадеду Евстафию Каетану, последнему владельцу огромных семейных ценностей? Может, об этих ценностях: и тех, что остались в Петрограде и теперь находятся в Санкт-Петербурге, и тех, что в 1920-е будто бы перевезены в Варшаву? Он, формальный наследник повстанца, несомненно, знал о них куда больше, чем кто-либо другой. О чем он, Евстафий Северин, так доверительно говорил и до, и после открытия мемориальной доски с местными краеведами? Несомненно, о возрождении сапеговского музея — в Деречине или Ружанах.

Нужны силы и заинтересованность

Надежда на содействие наследников Сапегов возвращению на родину ружанско-деречинских сокровищ лично у меня умерла не совсем. Так, у Петра остался сын Микусь (Микус). Надеюсь, живы двое старших сыновей Льва Сапегы (брат Евстафия Северина) — деда Микуса. Остается надеяться, они сыграют не меньшую роль в запланированном уже постепенном возрождении Ружан, чем та, каковую Радзивиллы играют в возрождении Несвижа. Ибо возрождение сапеговского Деречина сегодня уже вряд ли и возможно, и целесообразно.

И еще один деликатный момент. Радзивиллы при всем их сантimente к Несвижу даже не ставят вопрос о передаче несвижского замка в их руки. Не стремятся они возратить себе и Неборув в Польше, также когда-то принадлежавший им. Почему? Да потому что понимают: возрождение таких усадеб сегодня под силу только государству. Вот и возрождение Ружан, главной усадьбы Сапегов, людей государственных, заслуженных для нескольких сегодняшних держав, сегодня возможно только объединенными усилиями всех заинтересованных сторон — возможно даже, в разных государствах: Беларуси, Польше, Литве, России... Вот где снова могут объединиться восточный и западный векторы. А инициировать дело сегодня уже есть кому: это недавно созданная в нашей стране Комиссия при Совете Министров по выявлению, возвращению, совместному использованию и введению в научный и культурный оборот национальных культурных ценностей, которые оказались за пределами Беларуси. Поэтому прошу расценивать эту мою статью как развернутую заявку на рассмотрение в названной комиссии.

И, наконец, у нас уже есть добрый пример такого комплексного межгосударственного подхода к наследию Сапегов (надеюсь, никто не станет оспаривать, что оно белорусское). В прошлом году в Национальной библиотеке Беларуси успешно прошло заседание Международного совета по проекту «Виртуальная реконструкция библиотеки рода Сапегов». Пока только виртуальная и только библиотеки... Не пора ли взяться за музейные и архивные ценности, за создание в Ружанах нового культурного центра подобного Несвижу и Миру?

■ Адам МАЛЬДИС, «СБ».